

Университетский научный журнал. 2025. № 89. С. 13–19.
Humanities & Science University Journal. 2025. № 89. P. 13–19.
Научная статья
УДК 94(480)
DOI: https://doi.org/10.25807/22225064_2025_89_13

Воспоминания министра статс-секретаря А. Ф. Лангофа (1906–1913 гг.) как источник по истории правительственной политики Российской империи в Великом княжестве Финляндском

Александра Юрьевна Бахтурина

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
grosh13@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1116-4265>

Аннотация. Рассматриваются особенности воспоминаний министра статс-секретаря по делам Великого княжества Финляндского А. Ф. Лангофа как исторического источника по истории политики царского правительства в Финляндии. В статье анализируются особенности структуры и содержания воспоминаний, основные вехи биографии А. Ф. Лангофа. На основании анализа имеющейся исследовательской литературы делается вывод о причинах сниженного исследовательского интереса к этому источнику. Показано, как особенности должностного статуса Лангофа и сложности его взаимодействия с П. А. Столыпиным отразились в тексте воспоминаний. Делается вывод о том, что целями Лангоффа при написании мемуаров было не только желание сохранить для современников историю важнейших решений царского правительства по финскому вопросу, включая законы 1908 и 1910 гг., и обсуждение положения безземельных финских фермеров-арендаторов, но и свои, пусть безуспешные, попытки влиять на решения царского правительства в интересах финского народа и автономных прав Финляндии.

Ключевые слова: Лангоф А. Ф., Великое княжество Финляндское, торпарский вопрос, финляндский вопрос, министр статс-секретарь

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Великое княжество Финляндское в правительственной политике Российской империи. 1894–1914 гг.: государственные интересы и практика принятия политических решений» № 24-28-01780

Original article

Memoirs of the Minister-Secretary of State A. F. Langhoff (1906–1913) as a Source for the History of Government Policy of the Russian Empire in the Grand Duchy of Finland

Alexandra Yu. Bakhturina

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
grosh13@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1116-4265>

Abstract. The article examines the features of the memoirs of A. F. Langhoff, Minister-Secretary of State for the Affairs of the Grand Duchy of Finland, as a historical source on the history of the policy of the tsarist government in Finland. The article analyses the features of the structure and content of the memories, as well as key stages of A. F. Langhoff's biography. Based on the analysis of the available research literature, a conclusion is drawn about the reasons for the relatively limited research interest in this source. It is shown how the features of Langhoff's official status and the complexity of his interaction with P. A. Stolypin were reflected in the text of the memoirs. It is concluded that Langhoff's goals in writing his memoirs were not only to preserve for his contemporaries the history of the most important decisions of the tsarist government concerning the Finnish question, including the laws of 1908 and 1910, and to discuss the situation of landless Finnish tenant farmers, but also to document his own, albeit ultimately unsuccessful, attempts to influence the decisions of the tsarist government in the interests of the Finnish people and the autonomous rights of Finland.

Keywords: A. F. Langhoff, Grand Duchy of Finland, torpar question, Finnish question, Minister-Secretary of State

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation as part of the research project “The Grand Duchy of Finland in the Government Policy of the Russian Empire, 1894–1914: State Interests and the Practice of Political Decision-Making”, project no. 24-28-01780.

История взаимоотношений правительственные верхов Российской империи и законодательных и исполнительных структур Великого княжества Финляндского в начале XX в. вошла в финляндскую историографию как время «угнетения». Одним из характерных его признаков, по мнению финляндских исследователей, стали назначения на административные посты в Финляндии лиц, занимавших пророссийскую позицию. Действительно, на рубеже XIX–XX вв. кадровая политика российского самодержавия в Великом княжестве Финляндском была направлена на то, чтобы на ведущие административные посты назначались лояльные империи финляндские граждане. После краткого периода либерализации и уступок императорского правительства финляндским требованиями, в том числе и в кадровом вопросе, в годы первой русской революции и отставки финляндского генерал-губернатора Н. Н. Герарда, эта тенденция усилилась. На губернаторские и другие посты назначались военные, служившие в русской армии, но имевшие финляндское гражданство. В финляндской историографии деятельность многих должностных лиц, занимавших крупные административные посты и уже в силу служебных обязанностей, сотрудничавших с царским правительством, оценивалась как полностью зависимая от российской власти и потому не заслуживающая пристального внимания исследователей.

Это обстоятельство во многом повлияло на то, что в исторических работах финляндских историков упоминания об их деятельности весьма скучны. Среди них — Лангоф Август Федорович, занимавший с 1906 по 1913 г. пост министра статс-секретаря по финляндским делам. Эта должность существовала с 1834 г., а министр статс-секретарь выполнял технические и посреднические функции между финляндской администрацией и официальными правительственными кругами в Петербурге. Важной особенностью его должностного статуса была как относительная независимость от финляндского Сената, так и тесная связь с официальным Петербургом.

Деятельность А. Ф. Лангофа на этом посту, равно как и его воспоминания, не являлись предметом самостоятельного исследования. К тексту воспоминаний Лангофа российские и зарубежные исследователи обращались довольно редко в связи с историей российской политики в Финляндии в целом [1, с. 41; 2, с. 584].

Воспоминания охватывают период пребывания Лангофа на посту министра статс-секретаря по делам Великого княжества Финляндского с 1906 по 1913 г. В 1913 г. он ушел в отставку. Затем служил в финляндской армии, в 1918 г. вышел в отставку и к 1922 г. завершил работу над мемуарами «Семь лет в качестве представителя Финляндии перед престолом: воспоминания и заметки» [3]. Они были написаны на шведском языке и опубликованы в Гельсингфорсе.

Положение Лангофа в независимой Финляндии было непростым. С одной стороны, он активно сотрудничал с ее новыми лидерами, с некоторыми из них Лангоф был знаком еще до революции 1917 г. С другой, он имел репутацию крупного чиновника, представлявшего финляндские интересы перед царским правительством. Именно на всю сложность своего положения как министра статс-секретаря он обратил внимание в предисловии к воспоминаниям. Он писал: «Возможно, мои заметки могут дать небольшое представление о порой невыносимых ситуациях, в которых

оказывались люди, ответственные за охрану интересов нашей страны, и пролить свет на огромные трудности, с которыми им часто приходилось бороться» [3, S. 1]. Также он подчеркивал свою связь с Финляндией: «Я родился в Финляндии, здесь я провел свое детство и юность, получил воспитание и даже не был за пределами страны, пока в совершеннолетнем возрасте не был произведен в офицеры гвардейского полка в Петербурге» [3, S. 14].

Основой воспоминаний Лангоф назвал собственные «заметки», сделанные во время работы на посту министра статс-секретаря. Текст воспоминаний состоит из трех тематических блоков. Первый — положение статс-секретариата как учреждения в начале XX в., второй — история назначения автора на пост министра статс-секретаря, а также его взаимодействие с Николаем II по финляндскому вопросу, третий, который сам Лангоф считал незавершенным, раскрывает разработку решений по Финляндии в Петербурге.

Части воспоминаний неравномерны по своему объему. В первой части три главы, посвященных компетенции, структуре и чиновникам статс-секретариата, а также истории назначения Лангофа на пост министра статс-секретаря.

Выбор своей кандидатуры на пост министра статс-секретаря Лангоф объяснял решением Николая II. «В начале декабря я был на обеде у императора и сидел рядом с ним. Он имел со мной оживленную беседу и частично коснулся также событий в Финляндии. На следующий день я был приглашен на завтрак с ним и затем также сидел рядом и мог участвовать в беседе.... Император не знал лично слишком многих финнов и о нем также было известно, что он вообще предпочитал сам выбирать лиц, которые по своему положению часто будут с ним соприкасаться...» [3, S. 15].

Далее Лангоф делает акцент на том, что его решение о вступлении в должность было согласовано с финляндской политической элитой. Возможное предложение поста министра статс-секретаря он решил обсудить с Л. Мехелиным, бывшим на тот момент заместителем председателя Хозяйственного департамента финляндского Сената. С Мехелиным Лангоф был, по его собственному утверждению, знаком довольно давно. Встретившись с ним в Гельсингфорсе в начале января 1906 г., Лангоф сообщил, что ожидает назначения на «должность министра статс-секретаря» и «попросил его (Мехелина. — А. Б.) совершенно откровенно рассказать, как он и его коллеги отнесутся» к этому. «Я заверил его, что ни в коем случае не почувствую себя нисколько оскорбленным, если они сочтут назначение любого другого человека более подходящим» [3, S. 15–16]. Во время встречи Лангоф подчеркивал, что лично ничего не сделал для того, чтобы обеспечить себе этот пост. Осторожность Лангофа, его встреча с Мехелиным были не случайны. Общественно-политические лидеры Великого княжества Финляндского ожидали совсем другую кандидатуру.

С осени 1905 г. начался поворот в финляндской политике, ознаменовавшийся отменой или приостановкой действия отдельных законов, сокращавших границы финляндской автономии. Смягчение политического курса повлекло за собой многочисленные отставки должностных лиц, от губернаторов до рядовых чиновников, назначения которых связывали с решениями российской власти. Начавшиеся кадровые перестановки

в Великом княжестве заставляли надеяться на то, что и в Санкт-Петербурге интересы Финляндии будет отстаивать лицо, тесно связанное с местными политиками и общественными деятелями. Не случайно депутаты финляндского Сейма в декабре 1906 г. заявили о желательности назначения на должность министра статс-секретаря финна по национальности. Предложение Сейма поддержал финляндский генерал-губернатор Н. Н. Герард. На тот момент этот пост занимал Э. А. Эрштрем — опытный российский чиновник, юрист по образованию, служивший ранее в Государственном совете, Министерстве юстиции, Уголовном кассационном департаменте Правительствующего Сената. Сеймовые депутаты и представители общественно-политических кругов Великого Княжества видели в качестве кандидатов на этот пост Вазаского губернатора Ф. Бьёрнберга или бывшего министра статс-секретаря графа К. А. Армфельта.

Ожидаемо, что реакция финляндских общественно-политических лидеров на возможное назначение Лангофа была весьма негативной. Это обстоятельство он также зафиксировал в мемуарах. Л. Мехелин, переговорив с коллегами, посетил его уже на следующий день и сообщил, что «некоторые из его коллег сомневаются в том, что я достаточно хорошо знаю финские условия, чтобы быть в состоянии представить монарху интересы страны в полностью удовлетворительной форме, и что по этой причине они предпочли бы, чтобы на эту должность был назначен кто-то, более знакомый с нашими взглядами» [3, S. 16]. В ответ Лангоф ответил, что сделает все, что в его силах, чтобы на эту должность был назначен другой, но Мехелин заметил, что и он и его коллеги будут сотрудничать с Лангофом, «если его Величество этого пожелает» [3, S. 16].

Таким образом вопреки желаниям общественности и политиков Великого княжества, 24 января 1906 г. министром статс-секретарем был назначен бывший офицер русского Генерального штаба, датчанин по происхождению генерал-майор А. Ф. Лангоф. С точки зрения некоторых современников, это был необыкновенный взлет и весьма удачный выбор Николая II. «Говорили, что назначение Лангофа было одно из весьма немногих удачных назначений царского правительства и что из всех министров это был единственный человек, который действительно был на месте» [4], — вспоминал впоследствии офицер лейб-гвардии Семеновского полка Ю. В. Макаров. После назначения Лангоф сохранял связи с российской военной средой и не случайно в эмигрантской газете «Возрождение» от 25 января 1930 г. бывшие сослуживцы поместили объявление о панихиде на сороковой день после его кончины [5, с. 3].

Но связь Лангофа с российской военной средой с точки зрения финляндских общественно-политических кругов была одним из его недостатков. Сразу же после этого назначения в финляндской печати стали высказываться опасения относительно того, насколько упорно он будет отстаивать на своем посту интересы Финляндии и не стоит ли восстановить в связи с этим ранее действовавший при статс-секретариате (1857–1891 гг.) Совет по финляндским делам из членов финляндского Сената, которые обсуждали бы дела совместно с министром статс-секретарем.

Настороженное отношение к Лангофу сохранилось и в независимой Финляндии и не случайно в первой части воспоминаний он подробнейшим образом описывает проведенные по его инициативе увольнения части

чиновников Статс-секретариата по делам Великого княжества Финляндского для замены освободившихся вакансий финнами, подчеркивая, что преследовал одну цель: воссоздать прежний облик секретариата и делает вывод, что ему удалось к 1907 г. превратить его из русского в финское учреждение [3, S. 72–73].

Находясь на посту министра статс-секретаря, Лангоф тесно сотрудничал с генерал-губернаторами Н. Н. Герардом, В. А. Бекманом и Ф. А. Зейном. Каждому он дал подробную характеристику, наиболее положительно оценив «прекрасного и благородного» [3, S. 37] Герарда, Лангоф отметил, что на посту генерал-губернатора он стремился защищать не только интересы империи, но и Финляндии, а также проявлял уважение к финляндскому праву.

В исследовательской литературе участие Лангофа в решении вопросов, связанных с политикой царского правительства в Финляндии, рассматривается в связи с такими эпизодами, как: участие представителей Великого княжества в работе Государственной Думы и Государственного Совета, порядок обсуждения общих для Империи и Княжества законов и расширение прав чинов российской полиции и жандармерии на финляндской территории для борьбы с революционным движением. В значительной степени это связано с тем, что сохранилось множество официальных документов и служебной переписки Лангофа с Д. М. Сольским, П. А. Столыпиным, часть которой опубликована [6, с. 107–116; 7]. После ухода Н. Н. Герарда с поста финляндского генерал-губернатора активность А. Ф. Лангофа заметно уменьшилась. Он уже не так настойчиво выступал в защиту финляндской автономии, как это было в годы генерал-губернаторства Герарда. И его имя почти исчезает из официальных документов.

Но с точки зрения Лангофа, его работа не прекращалась. И, видимо, не случайно в воспоминаниях он уделяет весьма пристальное внимание именно периоду с 1908 г. На это указывает содержание второй части воспоминаний, посвященная отношениям императора Николая II с Финляндией. Акцент на личности императора в названии второй части, безусловно, указывает на то, что Лангоф разделял господствовавшее в Финляндии мнение о том, что последняя была связана с Российской империей через личность императора по принципу «личной унии». Но по сути в главах речь идет о деятельности различных учреждений и чиновников, связанных с финляндским вопросом, в том числе: подготовка законодательства, регламентирующего законодательный процесс в Финляндии, начиная с создания комиссии Н. С. Таганцева, дискуссии об отделении Выборгской губернии, арендных отношениях и положении крестьян-арендаторов, урегулирование финансовых взаимоотношений России и Великого княжества, характеристики генерал-губернаторов и представителей высшей российской бюрократии, в том числе В. Н. Коковцова. Лангоф дает им определенные и порой неожиданные характеристики. Так, позицию Коковцова в отношении Финляндии он рассматривал как ловкий политический маневр: «он (Коковцов. — А. Б.) неоднократно... уверял меня, что не только не одобряет, но и решительно выступает против националистического направления во внутренней политике России, избранного его предшественником (т. е. П. А. Столыпиным. — А. Б.). Я не сомневался, что его поведение было, по крайней мере отчасти, тактическим маневром... было грустно, что именно через финляндский

вопрос он должен был укрепить свои позиции» [3, S. 349]. Собственно императору Николаю II и встречам с ним А. Ф. Лангофа в воспоминаниях уделено очень небольшое место.

Наиболее сложным эпизодом своей деятельности в четвертой главе воспоминаний Лангоф назвал участие в подготовке закона 1909 г. о порядке земельной аренды в Финляндии.

Вплоть до 1908 г. вопрос о поддержке безземельных арендаторов решался в административном порядке путем заключения соглашений между имперской властью и финляндским Сенатом, которые сводились к увеличению по инициативе императора средств на выдачу ссуд для приобретения крестьянами земли.

В 1908 г. император вновь инициировал торпарский вопрос в традиционном направлении. Было предложено принять проект закона, облегчающего приобретение земли крестьянами-арендаторами в Великом княжестве Финляндском. Но финляндский Сенат стал настаивать на передаче торпарского вопроса в Сейм и отказался решать его в административном порядке между императором и Сенатом. Закон был принят финляндским Сеймом в 1908 г., но последний был распущен императором и его решения не могли вступить в силу. Возникшая ситуация требовала решения: закон, облегчивший положение финляндских крестьян-арендаторов, «повис в воздухе» и виновником становился император, распустивший Сейм. В этой ситуации члены Совета министров предложили принять закон независимо от Сейма. Это вызвало протест со стороны Лангофа, считавшего, что это противоречит финляндскому законодательству. В воспоминаниях он подробно изложил ход дискуссий, подчеркнув, что главным его противником стал министр юстиции Щегловитов. На заседании Совета министров присутствовал Николай II и, как отмечал Лангоф, во время прений «трудно было понять, с чьим мнением он согласится — с мнением министра юстиции или моим» [3, S. 190]. Продолжительное, по свидетельству Лангофа, четырнадцатичасовое обсуждение вопроса завершилось решением о принятии закона и введении в его текст преамбулы о том, что, хотя Сейм и распущен, но император, заботясь о положении беднейшего населения Финляндии, в порядке исключения закон рассмотрел и утвердил.

В воспоминаниях Лангоф указывал на то, что поражение заставило его обратиться к Николаю II с просьбой об отставке: «После завершения представления я доложил императору, что поскольку мои взгляды на законность столь сильно расходятся с позицией совета министров и поскольку моим представлениям не было уделено никакого внимания, я нахожу, что больше не могу быть полезен ни его Величеству, ни моей стране и поэтому прошу об отстранении от должности» [3, S. 191–192]. Далее Лангоф указывал, что осталась ему пришлось как по просьбе императора, так и членов финляндского Сената, которые считали, что его действия были абсолютно верными.

Дальнейшие эпизоды деятельности Лангофа в воспоминаниях имеют аналогичный контекст: описание трудностей, его попыток противостоять решениям и инициативам Совета министров, защита финляндского законодательства и автономии.

Обращает на себя внимание изложение обстоятельств добровольной отставки Лангофа. По мнению финляндского историка О. Юссилы, отставка была связана с невозможностью для министра статс-секретаря

влиять на позицию императора из-за изменившегося порядка доклада по финляндским делам, когда «после представления императору протокола Совета министров министр статс-секретарь Финляндии уже не имел права на повторный доклад по этому же вопросу» [8, с. 724]. Лангоф в воспоминаниях выделяет несколько причин и в качестве основной называет то, что «надежды на изменение политики России в отношении Финляндии к лучшему... оказались беспочвенными» [3, S. 361] и 24 января 1913 г. он подал прошение об отставке.

На встрече с императором «что касается способа представления, он убежден, что я смогу по соглашению с Коковцовым добиться такого компромисса, который сделает применение указа Советом министров менее обременительным, чем при Столыпине» [3, S. 353]. Важнейшей причиной своей отставки Лангоф называл усиление националистов в правительстве и в окружении Николая II, а также нежелание последнего противостоять их требованиям.

Ценность воспоминания А. Ф. Лангофа как источника по истории финляндской политики российского самодержавия несомненна. Приводимые им факты не только позволяют более детально рассмотреть основные ее вехи, но и понять роль и место министра статс-секретаря как должностного лица, обеспечивавшего взаимодействие императора и финляндских учреждений

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Петров П. В.* Царизм и финляндский торпарский вопрос в конце XIX — начале XX вв. // Россия и Финляндия в XVIII—XX вв. / Специфика границы. СПб., 1999. С. 36–45.
2. *Постников Н. Д.* Политические партии Великого княжества Финляндского (60-70 годы XIX века — 1914 год). М.: Научно-политическая книга. 2024. 719 с.
3. *Langoff Aug.* Sju år såsom Finlands representant inför tronen: minnen och anteckningar åren 1906–1913. Helsingfors. 1922. 378 s.
4. *Макаров Ю. В.* Моя служба в Старой Гвардии. 1905–1917. М.: Центрполиграф. 2023. 479 с.
5. Лангоф А. Ф. // Восхождение. 25 января 1930. № 1698. С. 3.
6. Материалы Высочайше учрежденного под председательством гр. Д. М. Сольского совещания для разработки необходимых в действующем учреждении Государственного совета изменений. СПб., 1906.
7. Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина // Красный архив. 1924. № 5. С. 102–128.
8. *Юссила О.* Великое княжество Финляндское. 1809–1917 / пер. с финского. Хельсинки: Ruslania Books Oy. 2009. 844 с.

Статья поступила в редакцию 20.11.2025; одобрена после рецензирования 04.12.2025; принята к публикации 09.12.2025.

The article was submitted 20.11.2025; approved after reviewing 04.12.2025; accepted for publication 09.12.2025.

Информация об авторе:

А. Ю. Бахтурин — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций.

Information about the Author:

A. Yu. Bakhturina — Doctor of Sciences (History), associate professor, professor at the Department of History of State Institutions and Public Organisations.